

Цзян Шоуянь на миг опешил, но всё же натянул перчатку на левую руку Чэн Цзайе.

— Какое сегодня число? — спросил он, принимая из его рук розу.

Надевая вторую перчатку, Чэн Цзайе ответил:

— Седьмое. Седьмое ноября.

Цзян Шоуянь усмехнулся:

— На самом деле, раньше я всегда праздновал день рождения по лунному календарю.

— А? — Чэн Цзайе поднял голову, явно сбитый с толку.

С самого детства Цзян Шоуянь отмечал день рождения по лунному календарю, на десять-двадцать дней раньше, чем по солнечному. В детстве у него не было праздничных тортов: накануне бабушка давала ему немного карманных денег, чтобы он купил себе что-нибудь вкусное, и Цзян Шоуянь каждый раз делился половиной с Ци Чжоу.

Повзрослев, он перестал придавать дню рождения большое значение и уже не отсчитывал дни за полгода вперёд, как в детстве, с замиранием сердца ожидая заветной даты. Но бабушка по-прежнему считала дни и давала ему карманные деньги, а Ци Чжоу всё так же присылал поздравления минута в минуту.

— Впрочем, это не важно, — тихо произнёс Цзян Шоуянь, сажая свою розу в снег. — Какая разница.

Чэн Цзайе придвинулся к нему и обнял поверх пуховика:

— Ну уж нет, разница очень большая. — Он спросил: — И когда же твой день рождения по лунному календарю?

Вместо ответа Цзян Шоуянь задал встречный вопрос:

— А откуда ты узнал, что седьмого ноября мне исполняется двадцать девять?

Чэн Цзайе потёрся заснеженными ресницами о щеку Цзян Шоуяня, оставив на ней холодный след:

— Я первым спросил.

Цзян Шоуянь со смехом отклонился назад и положил голову ему на плечо. Тогда Чэн Цзайе признался:

— Я видел твою визу, там указана дата рождения.

Цзян Шоуянь протянул с лёгкой ленцой:

— А-а... И когда же ты её успел посмотреть?

— В тот день, когда увидел тебя на пляже. На обратном пути я попросил Пауло скинуть мне информацию об арендаторе.

Цзян Шоуянь покосился на него, и Чэн Цзайе нежно прикусил его щёку.

— Ты тогда не захотел дать мне свой WeChat и всем видом показывал, что не горишь желанием общаться. Мне стало обидно и немного тоскливо, а потом ты протянул мне ту самую открытку.
— Чэн Цзайе выдержал паузу. — И я сразу оказался на седьмом небе от счастья. Подумал тогда: до чего же удивительна судьба.

Открытка с пожеланиями, история которой началась с Цзян Шоуяня, проделав долгий путь во времени, вернулась к нему же, чтобы в конце концов он собственными руками передал её Чэн Цзайе. Не будь в этой цепочке событий хотя бы одного звена — их встреча не завершилась бы так красиво. Цзян Шоуянь тоже считал это удивительным: как так совпало, что он арендовал именно дом Чэн Цзайе? Подтянув ногу и облокотившись на неё, он лениво поинтересовался:

— Так почему же ты тогда сразу меня не разоблачил? Я ведь даже дал тебе вымышленный адрес.

— Я подумал, что не понравился тебе. Раз так, решил я, не стоит вызывать у тебя ещё большую неприязнь, — ответил Чэн Цзайе.

Но сейчас, оглядываясь назад, Чэн Цзайе подумал, что, возможно, дело было не в неприязни. Скорее всего, тогда Цзян Шоуянь был сильно болен и сидел на том пляже, ожидая, когда разойдётся народ. Чэн Цзайе не смел больше думать об этом и невольно обнял человека в своих объятиях ещё сильнее.

Почувствовав, как руки на его талии внезапно сжались, Цзян Шоуянь решил, что Чэн Цзайе на что-то обиделся, и успокаивающе потёрся щекой о его подбородок.

— Так вот почему ты каждый день дарил мне подсолнухи?

Чэн Цзайе ответил с подкупающей честностью:

— Ага. Я считаю, что отношения должны начинаться с букета цветов — это элементарные правила приличия.

Цзян Шоуянь вспомнил подсолнухи, один за другим распускающиеся в солнечных лучах, и признал, что они действительно понемногу согревали его сердце.

— Цзян Шоуянь, чему ты улыбаешься? — заметив, как дрогнули уголки его губ, Чэн Цзайе потянулся и поцеловал его. — Что-то мы отвлеклись. Ты так и не сказал, когда твой день рождения по лунному календарю.

— Семнадцатого числа девятого лунного месяца, — ответил Цзян Шоуянь. — Да лунный, солнечный — какая разница. Это просто формальность. Запоминай по солнечному, так дата хотя бы фиксированная.

— Ну нет, это очень важно, — не согласился Чэн Цзайе. — Разве тебе не кажется, что листать календарь в поисках нужной даты по лунному календарю — довольно романтично? Из-за разницы в системах летоисчисления дата каждый год меняется.

Цзян Шоуянь впервые слышал подобное объяснение. На мгновение в голове стало пусто, он даже не знал, что на это ответить. А Чэн Цзайе продолжил:

— В следующем году тебе запрещено подглядывать дату. Её буду искать только я.

Цзян Шоуянь снова рассмеялся:

— Мне уже двадцать девять. В следующем году будет тридцать. Я стану слишком стар для таких сюрпризов.

Чэн Цзайе потёрся о его щёку и возразил:

— Всего лишь тридцать. У нас впереди ещё не один десяток лет.

Цзян Шоуянь ничего не ответил.

После полуночи температура стала стремительно падать. Уши Цзян Шоуяня, спрятанные под

вязаной шапкой, начало покалывать от мороза. Но более насущной проблемой было то, что за время их посиделок в снегу штаны успели промокнуть.

— Штаны промокли, — констатировал Цзян Шоуянь.

— Мои тоже, — отозвался Чэн Цзайе.

Они, поддерживая друг друга, поднялись на ноги и повернули к дому.

Чэн Цзайе снял куртку, под которой оказалась чёрная водолазка. И он, и Цзян Шоуянь были в коротких пуховиках, поэтому сзади у обоих на штанах расплылись огромные мокрые пятна, которые в тёплом помещении быстро начали неприятно холодить кожу.

— Я в душ, — Чэн Цзайе достал пижаму из своего чемодана. — Ты можешь воспользоваться ванной здесь, в спальне, а я пойду в гостевую.

Раньше они часто принимали душ вместе. За два с небольшим месяца разлуки они не могли настолько отдалиться друг от друга.

Смахнув конденсат с зеркала, Цзян Шоуянь провёл рукой по своим болезненно выступающим ключицам и груди. Он сам понимал, что его худоба выглядит пугающе, и ему не хотелось представать перед Чэн Цзайе в таком виде. Тот, казалось, угадал его мысли и тактично удалился, избавив его от необходимости просить уединения.

Цзян Шоуянь опустил ресницы. Его разум, одурманенный горячим паром, блуждал где-то далеко, а в ушах снова и снова эхом отдавался голос Чэн Цзайе: «Позволь мне любить тебя, хорошо?»

Он мылся долго. Когда он, окутанный клубами пара и облачённый в отельный халат, вышел из ванной, Чэн Цзайе уже сидел на краю кровати, досушивая волосы. Увидев Цзян Шоуяня, он, щёлкнув пультом, включил проектор и спросил:

— Спать хочешь? Или посмотрим фильм перед сном?

Цзян Шоуянь забрался на кровать, сел на колени рядом с ним и перехватил его руку. Волосы Цзян Шоуяня отросли до шеи, концы сильно намокли во время душа и теперь прядями спадали на лицо. Чэн Цзайе взял чистое полотенце, накинул ему на голову и, промокая волосы, спросил:

— Что случилось?

Цзян Шоуянь развязал пояс халата. Руки Чэн Цзайе замерли. Он смотрел, как Цзян Шоуянь снимает халат. Из-за контраста с бледной кожей покраснения от горячей воды бросались в глаза.

— Я страшный? — спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе снял полотенце с его головы и покачал головой:

— Не страшный.

Волосы Цзян Шоуяня, растрёпанные полотенцем, торчали в разные стороны. Худоба не доходила до состояния скелета, обтянутого кожей, но он стал гораздо тоньше, и у Чэн Цзайе от одного взгляда на него щемило сердце. Он осторожно опустил глаза от груди ниже и остановился на татуировке внизу живота. Он поднял руку и прикоснулся к ней, отчего Цзян Шоуянь едва заметно вздрогнул.

— Когда ты её набил?

Цзян Шоуянь посмотрел на опущенные ресницы Чэн Цзайе и, немного подумав, ответил:

— Во время октябрьских праздников. У меня тогда словно помутилось в голове, я хотел броситься в реку. Меня отвлекла молодая девушка из тату-салона, а потом я сделал у неё эту татуировку.

Пальцы Чэн Цзайе резко дрогнули. Сердце словно пронзило иглами, а грудь сковало тупой, всепоглощающей болью. Цзян Шоуянь же чувствовал себя довольно спокойно. «Расскажи всё, — подумал он. — Расскажи до конца. Утаивать безответственно по отношению к нам обоим». Вот только он не решался взглянуть Чэн Цзайе в глаза, боясь, что снова расплачется.

Пальцы Чэн Цзайе скользнули к внутренней стороне его предплечья, где виднелись два красных следа от порезов. Не решаясь к ним прикоснуться, он замер, держа пальцы в миллиметре от кожи, и тихо спросил:

— А это?

— Я уже не помню, в какую именно ночь это было, — ответил Цзян Шоуянь. — Я хотел прыгнуть с крыши, но не смог. Эти мучительные метания доводили меня до иступления, и тогда я пару раз полоснул по себе ножом. Это оказалось довольно действенно. Эмоции словно вытекли наружу вместе с кровью, и мне стало гораздо легче.

Голос Цзян Шоуяня оставался абсолютно ровным. Настолько ровным, что Чэн Цзайе показалось, будто ему самому сейчас не хватит воздуха. Он глубоко, до краёв лёгких, вдохнул в себя эту горечь и хрипло произнёс:

— Цзян Шоуянь...

Цзян Шоуянь опустил взгляд на белоснежные отельные простыни и сказал:

— На самом деле, когда боль становилась невыносимой, я даже винил тебя. Если бы мы не встретились, я бы, наверное, уже давно обрёл покой.

Чэн Цзайе внезапно подался вперёд и крепко обнял его, раз за разом повторяя ему на ухо: «Прости». Цзян Шоуянь положил подбородок ему на плечо, устремил взгляд куда-то в пустоту и медленно произнёс:

— Но сейчас, когда ты меня обнимаешь, я чувствую, что так сильно тебя люблю. — Он повернул голову и поцеловал Чэн Цзайе в ещё влажные волосы: — Я могу говорить с тобой об этом так откровенно только потому, что сейчас я в более-менее нормальном состоянии. Мне, конечно, тяжело, но эти воспоминания не доводят меня до нервного срыва. Однако нет никаких гарантий, что в один прекрасный день я не вернусь в прежнее состояние. — Цзян Шоуянь сжал в пальцах край его одежды. — Ты сможешь принять даже это?

Цзян Шоуянь почувствовал, как по его шее скатилось что-то обжигающе горячее, и услышал голос Чэн Цзайе:

— Я буду жалеть лишь о том, что не встретил тебя раньше.

Цзян Шоуянь медленно моргнул и поднял руку, чтобы ласково погладить его по волосам. А в следующее мгновение Чэн Цзайе резко повернул голову и тяжело, с силой впился в его губы. Под таким напором Цзян Шоуянь откинулся назад и повалился на кровать. Чэн Цзайе полностью лишил его дыхания. Тоска, копившаяся эти два с лишним месяца, казалось, с удвоенной силой выплеснулась в этом поцелуе. Чэн Цзайе кусал его язык до боли.

Цзян Шоуянь слегка потянул его за волосы, и тот немного отстранился. Глаза Цзян Шоуяня влажно блестели. Слова, которые должны были звучать интимно и маняще, он произнёс с абсолютным спокойствием:

— Давай займёмся сексом.

Чэн Цзайе стёр слезинку в уголке его глаза:

— Ты сейчас серьёзно, Цзян Шоуянь?

Цзян Шоуянь, не отвечая, смотрел на него. Его взгляд по-прежнему оставался влажным, словно туман, окутавший горную вершину. Но в этом зрительном контакте туман сконденсировался в кристально чистую воду, которая потоком хлынула в самое сердце Чэн Цзайе.

— У тебя есть? — спросил Чэн Цзайе.

— В тумбочке.

Тогда Чэн Цзайе наклонился и, спустившись поцелуями от его ключиц, добрался до бабочки, постепенно согревая прохладную кожу. Цзян Шоуянь только-только принял душ, и его кожа отливала влажным розовым румянцем. Стоило Чэн Цзайе пустить в ход язык, как он, подняв глаза, увидел, что бабочка тоже дрогнула.

Ладонь Чэн Цзайе легла Цзян Шоуяню на поясницу. Татуировка бабочки располагалась в таком удивительном месте, что лёгкое касание подушечек пальцев словно нажимало на какой-то невидимый переключатель. Чэн Цзайе даже не коснулся его напрямую, но Цзян Шоуянь, содрогнувшись, излился и тихо выдохнул.

Пелена в его глазах окончательно сменилась томным влажным блеском. Он смотрел на медленно выпрямляющегося Чэн Цзайе, чувствуя, как щекочущее покалывание медленно поднимается к самой макушке, затуманивая рассудок, погружая в хаос, не оставляя ни единой мысли ни о прошлом, ни о будущем. Существовал лишь этот миг. Только этот миг, когда можно было без остатка отдать другому свою душу. Он перехватил руку Чэн Цзайе, потянувшуюся к тумбочке, и тихо произнёс:

— Не надевай.

Чэн Цзайе увидел, как его губы приоткрылись, кончик языка скользнул по зубам, и он беззвучно произнёс ещё одну фразу. Три коротких слова, дотла сжигая рассудок, вспыхнули ревушим пламенем, которое он сдерживал эти два с лишним месяца.

<http://bllate.org/book/14908/1612787>